

Древнеславянские обряды

ПОГРЕБЕНИЕ ЗВЯЗАННЫЙ МОСТ

Когда умирает кто-то из близких, мы жалеем покойного и одновременно... боимся его! Даже те из нас, кто слыхом не слыхивал ни о славянском язычестве, ни о христианстве или другой религии. Отчего так?

Учёные утверждают: мифологические воззрения самых разных народов так или иначе выводятся из законов психологии, общих для всего человечества. Если китайцу и шведу показать красный цвет, пульс участится у обоих — вот на каком глубочайшем уровне на самой границе «одушевлённого» и «неодушевлённого» лежат корни религиозных представлений. Потому-то мифы весьма удалённых друг от друга племён бывают удивительно схожи, и нам порою легко понять даже мифы австралийских аборигенов, хотя мы живём на другом конце планеты...

Многим приходилось сталкиваться с тем, как разбегаются дети от своего товарища, до крови поранившегося в игре. Испуг? Боязнь крови? А что её бояться?

Но точно так же порой поступают и жители африканских джунглей, бесстрашные воины, охотники на свирепых зверей. И вот как они объясняют своё поведение учёным-этнографам, приехавшим изучать обычаи племени: «С человеком никогда ничего не случается просто так. Все, что происходит, — знамение Богов, злых или добрых. Если кто-то внезапно поранится — это значит, что злые духи и сами Смерть готовы им завладеть. Опасно оставаться рядом с таким Человеком, несчастье заразно и всех втягивает, подобно водовороту...»

Так мифологическое сознание преломляет естественный испуг и детское рассуждение: «Если я чего-то Не видел или притворился, будто не видел, значит, этого как бы и не произошло...»

Отсюда наш страх перед умершим: а что, если он и меня утащит туда же — на тот свет, за грань между мирами, которую нарушила Смерть...

Поэтому традиционные русские похороны содержат огромное количество ритуалов, призванных отдать умершему последнюю дань уважения и вместе с тем победить, изгнать подальше ненавистную Смерть. А ушедшему пообещать воскрешение, новую жизнь. И все эти обряды, частью сохранившиеся до сего дня, имеют языческое происхождение.

Теперь, уходя из этого мира, человек прощался со всеми природными стихиями как он приобщался к

Смерть обозначала переход в другой мир, где человек продолжал жить, невидимо для других людей. Поэтому при погребении стремились удалить покойника из дома и одновременно обеспечить ему безбедную загробную жизнь в образе благодетельного предка. Таким образом, погребальный обряд преследовал две цели - облегчить усопшему путь в мир мертвых и помочь его близким преодолеть горечь утраты.

Похоронный обряд состоял из "очищения" усопшего, подготовки его к похоронам и поминовения.

В могилу (позже в гроб) клали те вещи, которые были необходимы покойному в будущей .загробной

ним при [Рождении](#). Почувствовав приближение смерти, старик просил сыновей вывести его в поле и кланялся на все четыре стороны: «Мать сырая Земля, прости и прими! И ты, вольный свет-батюшка, прости, коли обидел...» Потом ложился на лавку в святом углу, и сыновья разбирали над ним земляную крышу избы, чтобы легче вылетела душа, чтобы не мучила тело. А так-же —чтобы не вздумала остаться в доме, беспокоить живых...

жизни: домашнюю утварь, лук, стрелы, запас пищи и одежды. В древности во время погребения убивали до-машних животных, которых затем помещали в могилу.

Чтобы покойный не Причинял в дальнейшем зла близким, его старались задобрить, расположить к себе: на могиле оставляли поминальные блины, пироги, рюмку с водкой. Во время поминок, ставших частью обрядового ритуала, на столе ставили отдельный прибор, на тарелку клали кусочек хлеба иди блин, ставили рюмку водки. Когда впервые после смерти родственника топили баню, на первый пар приглашали умершего и несли для него особый веник и чистое белье.

После распространения христианства в день похорон стали выставлять на окно миску с водой и вещать чистое полотенце, чтобы душа могла умыться и утереться перед дальней дорогой.

Кстати, в народной культуре, в частности в песнях, смерть постоянно уподобляется свадьбе. Вв древности это было не просто поэтической метафорой. Когда умирал знатный мужчина, вдовый или не успевший жениться, с ним в могилу нередко шла девушка — «посмертная жена». Когда такой ритуал пытаются воссоздавать в «исторических» книгах и фильмах, обычно получают жуткие и жестокие сцены. А между тем девушки

нечастую шла на смерть добровольно, вызывая зависть подруг и предвкушение будущее блаженство на «седьмом небе» со знатным супругом.

Борьба Зла и Добра происходит и на Земле и на Небесах, и в каждом из нас. Реальные и мистические испытания, которым подвергаемся мы все, очищают душу, выжигают в ней всё злое, приближают смертного к Богам, насколько он на это способен... И дело здесь не только и не столько в «генах», во врождённых достоинствах. Ведь самым первым, кого Бог Грозы [Перун](#) подверг Посвящению, был его собственный сын...

Наше Посвящение длится всю жизнь, а физическая смерть лишь подводит итоги.

Если бы не было в славянском язычестве подобных идей, если бы тысячу лет назад вправду были мы «тёмными дикарями», разве смогло бы христианство с его нравственными установками пустить у нас такие прочные корни, так хорошо вписаться в систему традиционных верований славян? Разве мог бы состояться замечательный взлёт культура который дала Древняя Русь?

Великие культуры никогда не занимаются выкорчёвыванием того, что было прежде. Великие культуры вырастают из могучих корней.

В сказаниях многих народов, близких славянам, упомянут мост в языческий рай, чудесный мост, пройти по которому способны лишь души добрых, мужественных и справедливых. По мнению ученых, был такой мост и у славян. Его мы видим на небе в ясные ночи. Теперь мы называем его Млечным Путём. Самые праведные люди без помех попадают по нему прямо в светлый Ирий. Обманщики, мерзкие насильники и убийцы проваливаются со звёздного моста вниз — во мрак и холод Нижнего Мира. А иным, успевшим натворить в земной жизни и хорошего, и дурного, перейти через мост помогает верный друг — лохматая чёрная Собака. Отношение древних славян к смерти и умершим Предкам — целый мир, в который мы едва заглянули. Зачем оставляют на кладбищах немного еды и вино в рюмках? Затем, чтобы могли угоститься души умерших, слетевшиеся незримо или в облике птиц. Откуда примета: влетела птица в дом — не к добру? А вдруг это вернулась с того света чья-то душа и хочет «позвать» за собой кого-нибудь из домашних...

А чего стоит обычай посреди морозной зимы разжигать громадные костры из соломы, «чтобы умершие на том свете не мёрзли»!..

Упомяну ещё об одном обыкновении, которое наверняка покажется удивительным. Тёперь считают; достойным говорить об умершем обязательно с грустью, именно это служит знаком вечной, памяти и любви. Между тем так было далеко не всегда. Уже в христианскую эпоху записана легенда о безутешных родителях, которым приснилась их умершая дочь. Та с трудом поспевала за другими праведниками, так как ей приходилось всё время таскать с собой два полных ведра. Что же было в тех вёдрах? Слезы родителей...

Можно также припомнить, что поминки — мероприятие, казалось бы, сугубо печальное—даже теперь очень часто кончаются весёлым и шумным застольем, где о покойном вспоминают что-нибудь озорное. А дружный смех и приплясывание на похоронах и даже траурных митингах — обычай некоторых народов, им порой удивляет нас телевидение в международных программах? Что это - равнодушие, неуважение к покойному, кощунство?

Вдумаемся, что такое смех. Смех—лучшее оружие против страха, и человечество давно это поняло. Не так страшно одному в пустой и тёмной квартире, если громко запеть и засмеяться. Совсем не случайно придумывают забавные анекдоты о жестоких и несправедливых правительствах: то, над чем смеются, уже не способно внушать страх и больше не кажется непобедимым. Точно так и со Смертью. Осмеянная. Смерть не страшна, смех гонит её, как Свет гонит Тьму, заставляет уступать Жизни дорогу. Этнографами описаны случаи, когда мать пускалась в пляс у постели тяжело больного ребёнка. Всё просто: явится Смерть, увидит веселье и решит, что «ошиблась адресом».

Смех — это победа над Смертью, смех — это новая жизнь...

Ту же идею жизнеутверждения, возрождения, воскрешения несёт, как мы помним, и ритуальная еда для поминок—кутья да блины.

Христианский погребальный обряд органично впитал черты древних языческих ритуалов. С одной стороны, усопшему надевают крест, на голову кладут венчик

- ленту с священными знаками. В руку вкладывают разрешительную грамоту с особой молитвой, подтверждающую, что перед смертью ему были отпущены грехи.

С другой стороны, многие элементы погребального обряда напоминают языческие ритуалы и направлены на отведение от живых смерти. Так, в доме, где находится усопший, закрывают зеркала (окна . в потусторонний мир). Усопшего - выносят из дома вперед ногами, иногда даже не через дверь, а через окно, чтобы он не увидел дороги и не нашел дорогу домой. С этой же целью перед возвращением с кладбища обязательно перепрягали лошадей. Категорически запрещалось приносить с кладбища какие-либо; предметы или еду, поскольку покойный мог явиться за ними и нанести вред живым.

Обязательным элементом похоронного ритуала являются причитания или причеты (Особый жанр поэтической обрядовой лирики), которыми сопровождалось каждое обрядовое действие. В причитаниях не только выражалась реакция на утрату близкого человека, но и содержалась похвала покойному.

Нередко причет превращался, в развернутое повествование, рассказывающее о- жизни покойного. Одновременно у него спрашивали совета, как жить дальше, что девать, Иногда причет принимал своеобразную форму "диалога с покойным". В конце причета покойника просили поскорее вернуться на землю, чтобы он помог живым .в их деятельности

Причитания исполняли специально приглашенные плакальщицы. Они высоко ценились и считались мастерами своего дела, поскольку должны были помнить огромное число словесных формул, словосочетаний, образов.

Особенно широко в причитаниях использовалась символика, связанная с миром птиц: вдова сравнивалась с кукушкой, осиротевший после смерти хозяина дом - с опустевшим гнездом. Кроме того, считалось, что именно птица, приносит родным весть с того света:

*Вот придет-то лето теплое,
Закукует в бору кукушечка.,
А я выйду, горька горюшечка,
На прекрасное керылечко
Загорюю я, сироточка,-
Заболит мое сердечушко.*

Официальные власти к причитаниям относились отрицательно, видя в них явную связь с язычеством. В 1551 году постановлением Стоглавого собора было запрещено причитать на похоронах. В 1715 году запрет был повторен в указе Петра I, Но причитания продолжали исполняться и просуществовали в устном бытовании вплоть до середины XX века.

В храме по усопшему служат панихиду (от греч. пано - весь нокс - ночь). Это название возникло потому, что в первые века христианства погребения происходили по ночам, чтобы власти не могли помешать обряду. Панихида представляет собой своеобразный диалог священника или дьякона и хора. При этом священник умоляет господа бога принять усопшего в царство небесное, а хор отвечает ему.

В храме гроб усопшего размещается головой к дверям, ногами к востоку. Считалось, что так усопший лучше услышит панихиду и литию и не сможет увидеть дорогу на кладбище. В ходе панихиды священник произносит над усопшим молитву, кадит ладаном и кропит гроб святой водой.

Погребальная церемония начинается с чтения псалмов и пения покаянного канона.

Затем следует обряд прощания с умершим» во время которой хор поет стихиры, проникнутые настроением светлой печали. Церемония завершается - отпусом - напутствием живым и усопшему. Иногда панихиду называют отпеванием.

После окончания церемонии гроб выносят из храма под пение; "Святой боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас". За трехкратный повтор слов это песнопение получило название "трисвятое".

При выносе тела из дома и на кладбище священник служит литию (от греч. литэ - усердная молитва). Произнося слова литии, священник крестообразно бросает на гроб горсть земли, льет часть елєя и сыплет пепел от кадила. Ритуал проводится с целью отогнать от могилы нечистую силу и помешать усопшему встать из гроба до страшного суда.

В могиле тело располагают лицом к востоку, чтобы в день страшного суда покойный восстал из гроба лицом к Господу.

После погребения в доме усопшего устраиваются поминки. Данный обычай также сохранился с дохрис-тианских времен, когда на могиле устраивали поминальное угощение - тризну.

Описание похоронного обряда знатного руса, со всеми подробностями, можно прочитать в путевых заметках арабского путешественника X века Ибн-Фадлана. Более полное представление можно составить, прочитав книги Б.А. Рыбакова «Язычество древних славян» и «Язычество Древней Руси».

Простейший же похоронный обряд состоит в следующем: «Аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ, и посемъ творяху краду велику (Костёр выкладывается в виде прямоугольника, высотой по плечи человека. На одну домовину необходимо брать в десять раз более дров по весу. Домовина же делается в виде ладьи, лодки и т.д. Причём, нос ладьи ставят на закат солнца. Покойника одевают во всё белое, закрывают белым покрывалом, кладут в домовину милодары и поминальную еду. Покойник должен лежать ногами на запад.), и възложяхуть и на краду мертвеца сожжаху (Поджигает старейшина, либо жрец, раздевшись (хотя бы по пояс) и стоя спиной к краде. Внутренность крады набита легковоспламеняющейся соломой и ветками. После того, как огонь разгорится читается погребѣтная молитва. По окончании молитвы все замолкают до тех пор, к небу не поднимется огромный столб пламени - знак того, что умерший поднялся к Сварге), а посемъ собравше кости (У Северян, например, принято было кости не собирать, а насыпать сверху малый холм, на котором устраивалась тризна. Бросив сверху оружие и милодары, участники тризны расходились, чтобы набрать в шлемы земли и на-сыпать уже большой могильный холм.), вложяху въ судину малу (глиняный горшок) и поставяху на столпе (в маленькой погребальной избушке «на курьих ножках») на путехъ (на пути из селения к закату солнца), еже творять Вятичи и ныне (обычай ставить избушки «на курьих ножках» над могилой, сохранился в Калужской области до 30-х годов XX века).»

Чтение при возжигании погребального костра (крады великой)

Се е в а оне ыде

А тужде отроще одъверзещеши врата ония

А вейдеши в онь - то б о есе красен Ирий

А тамо Ра-река теНце

Якова одеящешеть Сверхгу одо Яве.

А ЧеНслобог учеНсте дне нашиа

А рещет богови чеНсла сва.

А быте дне сварзеню

Ниже быте ноще

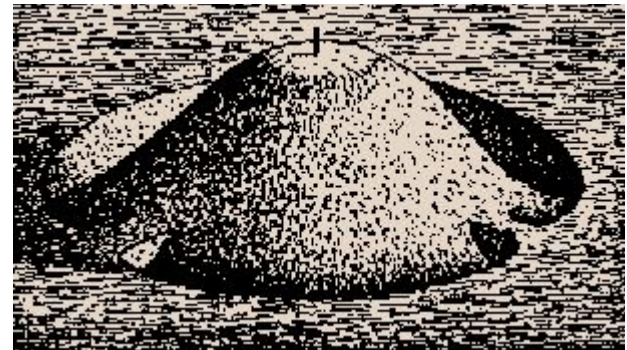
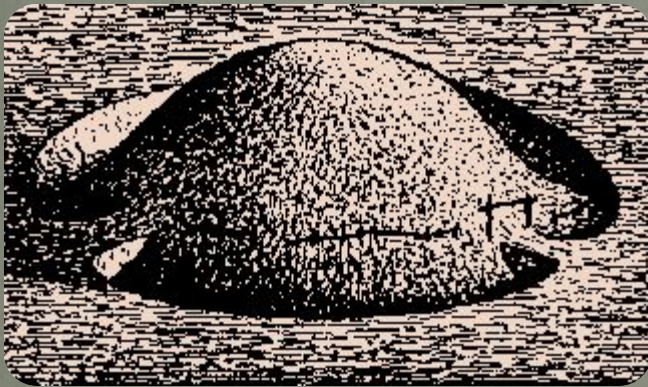
А усекнуте ты,

Бо се есе - явски.

А сый есте во дне божстем

А в носще никий есь

Иножде бог Дид-Дуб-Сноп наш...

Раскрещивание

Усаживают человека на колени на ветки, сено или колоду, обводят это место замкнутым кругом. Круг можно очертить ножом, который потом оставляют в земле до окончания обряда. Омывают голову раскрещиваемого водой и срывают с него старую ненужную рубаху. Топчут её и, с приговорами: «Прощай жизнь старая, здрава буди жизнь новая!», сжигают. Волхвы творят очищение. Обносят огнём, осыпают зерном, обрызгивают водой и обдувают воздухом, делая очистительные движения руками. Очищение проводят трое жрецов. Обходят нарицаемого посолонь по кругу, держа свои правые руки над его головой. В это время они протяжно возглашают клич (ГОЙ или СВА) - три раза. Подняв после руки к небу, торжественно восклицают: «Нарцемо имя тебе...», далее произносится имя, выбранное общиной (по согласованию со жрецом), или имя, которое нарицаемый выбрал себе сам (опять же, по согласованию жреца). Восклицают также три раза. Круг разрывается, наречённому даётся горсть зерна, для его первого жертвоприношения, и ковш сурьи для поминовения предков, под чьё покровительство он теперь переходит.

Имя

Знакомясь, мы очень редко говорим прямо: «Я .такой -то». Моё имя такое-то». Это необъяснимым образом звучит как-то неловко, и чаще мы представляемся как бы иносказательно: «Меня зовут»...

Древние люди считали имя важной частью человеческой личности и предпочитали хранить его в тайне, чтобы злой колдун не сумел «взять» имя и использовать для наведения порчи (подобно тому, как использовали для этого остриженные волосы, клочки одежды, выкопанные куски земли со следами на ней и даже сор, выметенный из избы). Поэтому в древности настоящее имя человека обычно было известно только родителям и нескольким самым близким людям. Все остальные звали его по имени рода или по прозвищу, как правило носившему охранительный характер: Некрас, Неждан, Нежелан. Подобные имена-прозвища должны были «разочаровать» болезни и смерть, заставить их искать «более достойную» поживу в других местах. Так поступали не только славяне. Например, красивое турецкое имя Ыылмаз означает " то, что не нужно даже и собаке "

Язычник ни под каким, видом не должен был говорить «Я — такой-то», ведь он не мог быть до конца твердо уверен, что его новый знакомый заслужил знание полного доверия, что он вообще человек, а не мой дух. На первых порах он отвечал уклончиво:

«МЕНЯ называют...» А ещё лучше» если даже и это произносил не он сам, а кто-то другой. Всем известно, что по правилам хорошего тона до сих пор считается предпочтительным, чтобы двоих незнакомых людей представлял друг другу кто-нибудь третий. Вот из какой дали времён пришёл этот обычай. А тому, кто любит фантастику, возможно, попадалась книга Урсулы Ле Гуин «Волшебник Земноморья». Там в насыщенном магией мире, тоже существует нечто подобное: назвать кому-либо своё имя — значит проявить максимальное доверие, буквально отдать ему в руки свою душу и жизнь. И это не плод богатого воображения автора!

Для тех, кому подобный пример покажется неубедительным, приведём ещё один, на сей раз из скандинавской саги, рассказывающей о реальных исторических событиях. Викинги попадают в плен к норвежскому правителю Эйрику. Их собираются казнить, пощады ждать не приходится. Однако внимание Эйрика привлекает один из пленников — очень красивый парень, к тому же проявивший не-вероятное мужество. Правитель спрашивает плен-ника, кто он такой, и викинг отвечает: «Они называ-ют меня Сигурдом. И мне сказали, что я — сын Буи...»

Вот так: не «я—Сигурд, сын Буи», а «они назы-вают меня» и «мне сказали». Человек нипочём не же-лает говорить о себе прямо. А ведь дело происходит во вполне исторические времена — в XI веке!

ПОСТРИГИ

Обряд записан профессором М.С. Чарновским на торжествах Вроцлавских Славян у подножия священной горы Сленжи. Обряд приводится в сокращении.

Постриги (пострижины) - Славянский обряд, состоящий в пострижении волос ребёнка семи лет от роду, в знак пере-хода из под опеки матери под опеку отца, из под опеки божеств **Дели** и Полеля под власть **Перуна** (или **Лады**, - В.К.). Обряд сохранялся (в Польше, - В.К.) до XIV века. Первые постриги в новое время состоялись на Сленже в день 3 червня 1988 года (3.06.88), проводились по предварительному обряду общинника Антонего Вацека из Вроцлава. Этот обряд, в краткой зарисовке, послужил основой постриг, которые состоялись 2 червня 1990 года также у подножия Сленжи, в Бондковицах, в археологическом заповеднике. Вроцлавская ежедневная «Газета Работнича» в № 135 за 11.06.1990 г. поместила положительный отзыв об этих торжествах. Эхом откликнулась эта заметка в «Пшеглёнде тыгоднёвым» (№ 7.1991) в обзорной статье Мариуша Урбанка «Словянин то поганин» («Славянин это язычник»), где автор описал праздник и привёл выведы (интервью) с его участниками. Вроцлавское телевидение показывало это событие.

Проведение постриг.

Действующие лица: старейшина; оруженосец (у русских Славян воевода, -В.К.); отец; мать; сын-юнак (посвящаемый); гудковцы (музыканты, -В.К.) и певцы (хоровые); участники и гости.

Имущество: нагрудная повязка, знак старейшины (у русских гривна, -В.К.); требник; табурет для юнака-посвящаемого; ножницы на подносе, который держит оружено-сец; белая сорочка для юнака-посвящаемого; огонь, который возжигает старейшина; подарок для постриженного, в руках отца; гудьцы (музыкальные инструменты, - В.К.); чарки для мёда.

Торжественный обряд.

Все участники стоят. Юнак в белой рубахе садится на табурет вблизи горящего Огня. Старейшина, одев повязку, открывает торжество и читает из требника слова, а именно: ***«Прадавным предков наших обычаем, по требованию здесь присутствующего отца, приступаю к святому обряду по-стрижения сына его, тут сидящего, и сотворяю то способом, установленным старейшими задруги (общины).»***

Старейшина приближается к посвящаемому, который, на его знак рукой, встаёт по стойке смирно и задаёт ему во-просы, на которые тот отвечает словами Белзы:

Кто ты будешь? - Поляк смелый
Какой знак твой? - Орёл белый.
Где живёшь ты? - Между вами
В каком крае? - В земле польской
Что земля та? - Моя отчизна
Чем добыта? - Кровью и шрамом
Кто ты ей? - Польское дитя.
Что ты должен? - Отдать жизнь.
Во что веришь? - Поляк значит человек смелый.
Смелый мыслью, словом, делом
Поляк - правый Славянин
А Славянин - это язычник!
Так учили меня родители
Так я мыслю, тем горжусь.

Юнак садится на табурет, старейшина берёт ножницы с подноса, срезает ими пучок волос и предаёт их Огню.

Юнак встаёт, старейшина объявляет, что ему дано имя и вручает свидетельство. По знаку старейшины все встают и под музыку поют гимн Белзы:

В праздник любви к любимой стране
Службу несём мы, как на войне
От лет наимладших до седины
Мы охраняем покой страны
Острее взор, ровнее шаг
Может быть где-то прячется враг
Смело ударим, свернём ему выю
Польска нех жие! (Да здравствует Польша, - польск.)
Польска нех жие!

Старейшина отходит в сторону, к постриженному юнаку подходят родители, целуя сына, и отец вручает ему соответствующий подарок. Мать приглашает собравшихся на честной пир. Под звуки труб гости отходят от Огня и садятся за стол. Первое слово на пиру говорит отец. Произно-сит здравицы за виновника торжества - сына. После чарки с мёдом, собравшиеся запевают песню.

Конец!!!